

— Чжан Чжаохэ? — Гэн Ань резко вдохнул, на мгновение лишившись дара речи.

В его памяти тот совершенно не соответствовал званию преподавателя. Он казался слишком скучным, слабохарактерным — настоящий «мякиш», об которого почти каждый студент так или иначе вытирал ноги.

Поначалу все держались в рамках приличия, но, видя, что учитель не умеет, да и не желает давать отпор, прогульщики вконец обнаглели, выдумывая всё более нелепые оправдания.

Перед самыми экзаменами кто-то, уловив момент, даже вырвал учебник прямо из рук мужчины, надеясь найти в нём отмеченные темы. Пособие изрядно пострадало в этой потасовке: обложка надорвалась, а страницы превратились в мятый ком.

Но даже тогда преподаватель не разозлился. Он лишь беспомощно твердил:

— Пожалуйста, верните книгу. В ней нет ничего, что касалось бы экзаменационных вопросов.

Эта сцена отчётливо врезалась в память Гэн Аня. Тогда он стоял рядом с тем студентом, и в его душе не было ни капли жалости — лишь горькое презрение к беспомощности этого человека. Довести группу до такого состояния — значит расписаться в собственной безответственности и перед собой, и перед учениками.

Он возненавидел биохимию и в итоге выбрал совсем другую сферу деятельности, возможно, не без влияния фигуры Чжан Чжаохэ. Гэн Ань просто не мог вообразить его в роли шантажиста. Тем более, если жертвой была общепризнанная богиня курса, блистательная Цзянь Чжэн.

Цзянь Чжэн тяжело кивнула. Она с такой силой скребла ногтем по указательному пальцу, что на коже выступила багровая полоса.

— Трудно поверить, верно? Я и сама не ожидала.

Гэн Ань невольно бросил взгляд на Ли Жуна — ведь тот сейчас учился именно в группе Чжан Чжаохэ. К его удивлению, юноша оставался совершенно невозмутимым. На его лице не отразилось и тени того изумления, которое испытывал собеседник; казалось, он давно знал, какие бездны скрываются за фасадом заурядного лектора.

На самом деле Ли Жун не был спокоен. Но поразила его не скрытая сторона натуры преподавателя, а то, что он наконец нащупал нить, связывающую Чжан Чжаохэ и Хань Цзяна.

Один — могущественный глава отряда «Призрачный глаз», другой — безвестный лектор;

казалось бы, между ними не может быть ничего общего. Но если в дело замешаны Хань Ин и Цзянь Чжэн, всё встаёт на свои места. Чжан Чжаохэ, будучи куратором девушки, неизбежно владел всей информацией.

Оставалось лишь понять: действовали ли они заодно, или глава «Призрачного глаза» просто припугнул незадачливого учителя.

Ли Жун долго молчал, прежде чем негромко спросить:

— Если он так открыто угрожал тебе, почему ты не обратилась к руководству университета?

Вопрос прозвучал мягко, но он затронул глубоко запрятанную горечь в душе Цзянь Чжэн. Она больше не воспринимала собеседника как постороннего. В этот миг она была рассказчиком, а они — её единственными слушателями. Сегодня уже мало кто готов был ворошить это старое, покрытое пылью бельё.

В горле у неё пересохло. Женщина сама налила себе чаю. Напиток уже остыл, но она осушила чашку одним глотком, пытаясь унять дрожь в голосе:

— Я думала об этом, но не посмела. Был ведь ещё и Хань Цзян. Он твердил мне то же самое. Когда он приезжал в Университет А, ректор лично выходил его встречать. Как бы мне помогла школа? К тому же, у меня не было ни единой улики.

Цзянь Чжэн опустила голову. Когда-то она была так горда... Как она могла смириться с угрозами? Но выхода не было. Она даже думала пойти в СМИ, но журналисты объяснили: без аудиозаписи или документов это будет расценено как клевета, и под суд пойдёт само издание.

Гэн Аню стало искренне жаль её. В конечном счете, девушка просто влюбилась, и никто не мог предугадать, чем это обернётся. Если бы траектория её жизни не была сломана Хань Ином, такая яркая и талантливая женщина наверняка была бы счастлива.

— Но я всё равно не понимаю, — заговорил Гэн Ань. — Вы ведь просто встречались. Даже если ты выпускалась или Хань Цзян был против вашего союза, можно было просто расстаться. Зачем ему понадобилось уезжать за границу? Честно говоря... мой друг в ходе расследования выяснил, что все следы пребывания Хань Ина в Университете А были стёрты.

Цзянь Чжэн горько усмехнулась:

— Вот как? Всё подчистили... Какая поразительная самоуверенность.

Стёрли не только следы Хань Ина в университете, но и само существование их отношений. Они так боялись света, что Хань Цзян готов был на всё, лишь бы раздавить тех, кто не мог дать отпор — ничтожных букашек вроде неё.

Мужчина хотел услышать не это, но не смел давить. Он понимал: тогда произошло нечто настолько постыдное, что Хань Цзян не побоялся задействовать всё своё влияние, чтобы заблокировать и уничтожить любую информацию.

В его памяти всплыли подробности дела фармацевтической компании «Мэйцзян». Хэ Даюн тоже нанимал профессиональных пиарщиков, чтобы удалять любые негативные отзывы о «Юаньхэшэне». Стало противно: Хань Цзян с таким пафосом обличал пороки фармацевтов, а сам действовал теми же методами.

Ли Жун нажал на кнопку вызова владельца заведения и заказал десерт. Вскоре на столе появилось изящное пирожное — маття с нежным кремом. Юноша осторожно пододвинул тарелку к Цзянь Чжэн.

— Не вини себя. Ты не была ни трусливой, ни беспомощной. Напротив, ты поступила мудро, сумев уцелеть. Тогда это был единственный верный выбор. И несмотря на пережитую боль, ты продолжаешь работать и любить жизнь. Ты уже большая молодец.

Голос Ли Жуна звучал обволакивающе нежно. В сочетании с его искренним взглядом и сладким ароматом десерта эти слова легли на плечи Цзянь Чжэн мягким, тёплым пледом.

Она не выдержала, и по щекам скатились две слезы. На этот раз женщина не стала отворачиваться или прятать лицо, позволив себе проявить слабость. Она и не подозревала, что кто-то может посмотреть на неё под таким углом. Что кто-то всё ещё считает её хорошим человеком.

Долгое время она жила в плену самобичевания, и сейчас ей как воздух было необходимо одобрение. Слова Ли Жуна стали для неё спасательным кругом.

Ли Жун смотрел на неё, и казалось, видел сквозь пелену лет ту самую юную девушку, раздавленную тиранией власти. Вероятно, тогда она так же беспомощно плакала, мечтая подняться и отстоять свои права, но раз за разом натыкалась на запертые двери. Она боролась, но проиграла.

Не всякое усилие ведёт к счастливому финалу, но пока человек жив, битва не окончена.

Юноша протянул ей салфетку и неторопливо произнёс:

— Кто желает преуспеть в деле, должен прежде осознать его суть; достигнув бесстрашия, следует действовать осмотрительно. У тебя ещё есть шанс.

Цзянь Чжэн вскинула голову, застыв в изумлении. Она даже забыла взять салфетку. В этот миг до неё дошло: хоть она и обратилась за помощью к Гэн Аню, на самом деле всё здесь контролировал этот красивый студент.

Он... он читал её душу как открытую книгу.

Рассудком Цзянь Чжэн понимала, что ей лучше довольствоваться тем, что есть, и не ворошить события десятилетней давности. Но после слов Ли Жуна в её сердце поднялась буря. Мёртвая пустыня её жизни вдруг озарилась ярким светом.

Человеку нужна цель. Только имея то, ради чего стоит бороться, чувствуешь себя по-настоящему живым. Она всегда хотела, чтобы люди, угрожавшие ей тогда, заплатили по счетам, но те были слишком могущественны. К тому же она знала: в течение двух лет после выпуска люди Хань Цзяна следили за ней, и лишь убедившись в её покорности, ослабили хватку.

Почему она должна была через это проходить? Тем более что тогда... тогда виновата была не только она.

Глаза Гэн Аня азартно блеснули. Он подался вперёд, в его голосе зазвучало нетерпение:

— Если ты доверяешь мне, расскажи, что именно тогда случилось. Не бойся, в Девятом районе есть свои правила: низы могут бросить вызов верхам. Даже обычный сотрудник вроде меня способен сокрушить Хань Цзяна.

Цзянь Чжэн пристально посмотрела на него, но промолчала. Она вытерла слёзы и взяла ложечку.

Пирожное оказалось многослойным: внутри скрывалась паста из красных бобов, бисквит был необычайно воздушным — в тесто явно добавили нежный сыр, а крем был не приторным, с едва уловимой солоноватой ноткой. Три вкуса, переплетаясь, создавали удивительную гармонию.

Женщина едва заметно улыбнулась и отложила ложку.

Перед приходом в чайную Гэн Ань спрашивал Ли Жуна, как потактичнее намекнуть Цзянь Чжэн, что у них есть силы противостоять главе «Призрачного глаза». Юноша посоветовал говорить об этом с явной жаждой власти.

Человек, познавший предательство и гнёт, становится запредельно осторожным. Он не верит в бескорыстное добро. В его мире только личная выгода может заставить людей временно встать под одно знамя. Выгода Гэн Аня заключалась в том, чтобы низвергнуть Хань Цзяна и занять его место.

Только такая понятная мотивация могла убедить женщину в том, что мужчина пойдёт до конца и не отступит. Поэтому тот, выведывая правду, выглядел столь нетерпеливым, а его взгляд горел алчностью.

Цзянь Чжэн уловила этот посыл. В её глазах мелькнула тень насмешки, но следом пришло спокойствие. Сладость десерта окончательно усмирила её минутную слабость. Она выпрямила спину и отвела взгляд, уставившись в запотевшее окно.

Небо за стеклом затянуло тучами. Облака скрыли и без того холодное солнце, бросив бледные тени на застывшую землю.

— Поначалу это была лишь досадная мелочь, о которой стыдно говорить, — начала она, погружаясь в ледяной омут воспоминаний.

Её голос звучал отстранённо и спокойно. Глядя в прошлое из сегодняшнего дня, всё казалось нелепым фарсом, но это случилось, и последствия изменили жизни всех причастных.

— А потом мы несправедливо обвинили человека.

Ресницы Ли Жуна едва заметно дрогнули. Он принялся молча протирать край стола той самой салфеткой, которую собеседница так и не взяла.

В голове юноши уже сложилась определённая догадка, и интуиция подсказывала, что он не ошибается. Спутанные нити прошлого начали наконец сплетаться в единый узор.

Говоря об этом, Цзянь Чжэн явно чувствовала вину. Жертва тирании, вспоминая о другом пострадавшем, всегда говорит с надрывом.

— Чтобы скрыть одну ошибку, им пришлось совершить другую, куда более страшную. Чтобы заставить невинную нести чужое клеймо, они грубо удалили записи с камер, вынесли предвзятый приговор и заткнули рот всем несогласным. Любое возражение подавлялось на корню. Тогда я была лишь испуганной соучастницей, получившей свою выгоду. Я не смела и слова вставить. А позже я сама превратилась в тот самый голос, который нужно было заглушить, и за меня уже некому было заступиться.

Она сделала паузу, прежде чем закончить:

— Прошло больше десяти лет, но я до сих пор помню её имя. Она работала лаборантом. Однажды на занятии у меня... случилась неприятность, и она выручила меня, одолжив гигиеническую прокладку. Её звали Сюй Танхуэй.